

DOI 10.15826/qr.2020.1.458

УДК 94(100)"1914/19"+821.161.1-6:27+274.5(474)

**ПИСЬМА ПРАВОСЛАВНЫХ СВЯЩЕННИКОВ
О НЕМЕЦКОЙ ОККУПАЦИИ ЭСТОНИИ
В ПЕРВУЮ МИРОВУЮ ВОЙНУ***

Ирина Пярт

Тартуский университет,
Тарту, Эстония

Джеймс М. Уайт

Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Россия;
Тартуский университет,
Тарту, Эстония

**LETTERS OF ORTHODOX PRIESTS
ABOUT THE GERMAN OCCUPATION
OF ESTONIA DURING THE FIRST WORLD WAR****

Irina Paert

University of Tartu,
Tartu, Estonia

James M. White

Ural Federal University,
Yekaterinburg, Russia;
University of Tartu,
Tartu, Estonia

During the invasion of the Baltic provinces between 1915 and 1918, a large swathe of territory and its population fell under German control: this included Orthodox parishes and their priests. The clergy and laity thus had to face many new challenges: the behaviour of occupation forces, material deprivations,

* Исследование поддержано грантом Тартуского университета PHVUS18916, исполнитель – Ирина П. Пярт (транскрибирование исходных документов, комментарии, статья), и грантом Российского научного фонда, проект № 18–18–00216, исполнитель – Джеймс М. Уайт (аннотации, статья, ссылки и список литературы).

** *Citation*: Paert, I., White, J. (2020). Letters of Orthodox Priests about the German Occupation of Estonia during the First World War. In *Quaestio Rossica*. Vol. 8, № 1. P. 222–241. DOI 10.15826/qr.2020.1.458.

Цитирование: Paert I., White J. Letters of Orthodox Priests about the German Occupation of Estonia during the First World War // *Quaestio Rossica*. Vol. 8. 2020. № 1. P. 222–241. DOI 10.15826/qr.2020.1.458 / Пярт И., Уайт Дж. Письма православных священников о немецкой оккупации Эстонии в Первую мировую войну // *Quaestio Rossica*. Т. 8. 2020. № 1. С. 222–241. DOI 10.15826/qr.2020.1.458.

and the actions of Lutheran clerical and secular elites in the new context. This article focuses on the response to the advance of the German armies in 1915 and 1916 into the Baltic. On the one hand, the article addresses the preparation and execution of the evacuation of the clergy and the rhetoric that underpinned the process of evacuation. On the other hand, it examines the problem of the church life under occupation. As evident from the sermons and articles published in the ecclesiastical press, the Germans represented a major threat to the Orthodox faith, clergy, and church property. Thus most Orthodox institutions were evacuated from the Baltic in 1915. Finally, the article discusses the position of the Orthodox Church during German occupation of the Estonian islands seized by the imperial German navy on 3 November 1917 from the perspective of parish priests. The article is based on the letters written by priests to the bishop of Riga and provides a complex picture of the German occupation, much of which differs from the representation of Germans in Russian war propaganda. Most priests represented the German forces as being relatively respectful towards churches and the clergy: their main complaint against the soldiers was the seizure of food, horses, and property, with the concomitant disruptions and discomforts this caused. The more serious threat to Orthodoxy, according to this evidence, came not from Germans but from the Lutheran clergy, who allegedly used the opportunity afforded by the invasion to undermine the Orthodox Church's position. This publication will provide a unique insight into religion under occupation during the First World War, revealing the difficulties of maintaining everyday religious life in a multiconfessional region during and after invasion.

Keywords: Russian Orthodoxy in the Baltic; First World War; German occupation; Lutheranism in the Baltic; religion and war.

Между 1915 и 1918 гг. большая часть территории прибалтийских губерний оказались под контролем Германии. Духовенству и мирянам пришлось столкнуться со множеством проблем: поведением оккупационных сил, материальными лишениями и действиями лютеранских клерикальных и светских элит. В статье рассматриваются вопросы подготовки и осуществления эвакуации духовенства, риторики, сопровождавшей этот процесс, церковной жизни в условиях оккупации. В проповедях и статьях православной прессы подчеркивалось, что немецкое наступление представляло главную угрозу православной вере, духовенству и церковной собственности. Именно поэтому все ключевые православные заведения были эвакуированы в 1915 г. Впервые публикуются три письма православных священников с эстонских островов, захваченных имперским германским флотом 3 ноября 1917 г. Действия немецких войск представлены сравнительно уважительными по отношению к церквям и духовенству; главные жалобы связаны с конфискацией провизии, лошадей и имущества, а также с сопутствующими беспорядками и неудобствами. Основное внимание сосредоточено на отношениях с лютеранским духовенством, которое якобы воспользовалось возможностью, предоставленной вторжением, чтобы подорвать позицию православия. Источники дают уникальную информа-

цию о состоянии религии во время оккупации, раскрывая трудности повседневной религиозной жизни в поликонфессиональном регионе во время и после немецкого вторжения. Публикация писем дается в контексте истории русского православия в Прибалтике, на их основании подробно описывается эвакуация церковного имущества и причта.

Ключевые слова: православие в Прибалтике; Первая мировая война; немецкая оккупация; лютеранство в Прибалтике; религия и война.

До 1840-х гг. православие в прибалтийских губерниях (Эстони, Лифляндии и Курляндии) преимущественно было религией правительственных чиновников, солдат и части купцов. Доминирующей конфессией было лютеранство, чьи привилегии российское правительство в значительной степени оставило нетронутыми после присоединения к империи (1721 г.). Ситуация изменилась в 1840-е гг. из-за массового обращения в православие латышских и эстонских крестьян, многие из которых стремились использовать это как средство для получения государственной защиты от прибалтийских немецких помещиков [Ryan]. «В 1836 г. рижская епархия имела лишь 16 церквей и 12 332 верующих, к 1850 г. число церквей выросло до 109, а прихожан – до 146 тыс. человек, а к 1914 г. данный диоцез насчитывал уже 257 церквей с 273 023 верующими» [Фриз, с. 792]. Таким образом, религиозный ландшафт прибалтийского региона сформировался в период с 1836 по 1900 г., когда была создана православная епархия¹, сформированы сотни новых приходов, основаны сеть церковно-приходских школ, семинария и открыто четыре монастыря [Пярт].

Проблемы состояли в том, что эстонские и латышские неофиты были по большей части бедными безземельными крестьянами, что означало нищету приходов. В 1860-е гг. многие стремились вернуться в лютеранство, несмотря на законодательный запрет отречения от православия. В 1865 г. правительство неофициально решило закрывать глаза на многочисленные случаи совершения религиозных обрядов лютеранскими пасторами по просьбе православных, но в 1880-х гг. это постановление было отменено, что привело к 269 судебным преследованиям лютеранского духовенства за поощрение отступничества [Weber, p. 290]. Прибалтика представляла из себя конфессиональное пограничье с напряженными отношениями между православием и лютеранством.

Положение православной церкви в регионе значительно усложнилось с началом Первой мировой войны. Крах русского фронта в 1915 г. привел к установлению контроля Германии над большей частью Курляндской и Лифляндской губерний. В ответ российские власти приняли решение о массовой эвакуации в центральные области

¹ В 1836 г. было создано Рижское викариатство, которое затем в 1850 г. было обращено в независимую епархию.

империи. «К началу 1916 г. 75 тысяч рабочих и их семьи (200 тысяч человек) и 30 тысяч железнодорожных вагонов с товарами и машинами покинули город [Ригу], что обошлось в более чем 9 миллионов рублей за разборку и транспортировку» [Hatlie, p. 49].

Русское православное духовенство также было эвакуировано вместе с драгоценными иконами, реликвиями, церковной утварью и книгами [ЕАА. F. 5256. N. 1. S. 1029]. Архиепископ Иоанн (Смирнов) переехал в Тарту (Юрьев), в то время как Рижская духовная консистория была отправлена в Новгород, а семинария – в Нижний Новгород [Брянцев]. Эвакуация поставила перед православными священниками трудный вопрос – бежать или оставаться с паствой? Священник В. Щукин, редактор епархиальной газеты, озвучил на проповеди в рижском кафедральном соборе в день, когда была объявлена эвакуация, бескомпромиссный постулат, что аморальность жителей Риги и превалирование неправославных конфессий в городе допустили захват города. Он обратился к примеру разрушения Иерусалима Римской империей, указав, что немцы хуже римлян: «По своей гордости и жестокости враги наши считают нас не лучше вредных насекомых. Естественно, что нет такой жестокости и гнусности, которые не считались бы у них вполне дозволенными по отношению к нам» [Щукин, с. 422]. Отказ от бегства, даже из добрых побуждений, не что иное, как измена, поскольку немцы будут стремиться использовать все, что останется, в свою пользу. «Поэтому единственный правильный выход из невозможного положения – это бегство с вывозом имущества в возможно большей мере и уничтожением остающегося» [Там же, с. 423–424].

В своем втором выступлении он отмечает, что священнослужитель должен остаться и защищать свою паству, хотя в условиях текущей войны это превратилось в пустой героизм. Жестокость немцев вряд ли позволит священнику служить, если он останется, они посадят священников в тюрьму или, может быть, расстреляют их. В отличие от православных, католическому, лютеранскому и еврейскому духовенству, по его убеждению, не угрожали такие ужасы, поскольку немцы задумали эту войну именно против русских. Тем не менее, он больше не считал выбор остаться на месте изменой: «Совесть каждого пастыря и наличные условия лучше всего укажут каждому в отделенности, как он должен поступить» [В. Щ., с. 65]. Проповедь и статья Щукина – попытки соединить идеальные богословские и практические аргументы для духовенства (подчиниться государственному приказу или своему долгу). Автор использует распространяемый российской пропагандой образ немецких оккупантов. Преодоление мифа о непобедимости немецкой государственной машины виделось в дискредитации западных соседей как цивилизованной нации и наделении их «варварскими и бесчеловечными чертами» [Nagornaja, p. 484–485].

Для многих священников в оккупированных Латвии и Эстонии скорость продвижения противника предоставила мало времени для отъезда. Немцы, быстро захватив острова к 3 ноября 1917 г. [Barrett],

расчистили путь сухопутным войскам, которые продвинулись в Эстонскую губернию в начале 1918 г. Тарту пал (24 февраля 1918 г.), вскоре после чего были захвачены Таллин и Нарва².

Епископ Платон (Кульбуш), уроженец Эстонии, был посвящен в сан Ревельского викарного епископа в декабре 1917 г. и получил назначение временно исполнять обязанности епископа Рижской епархии. Его отношения с германскими оккупационными властями были неоднозначными. В октябре 1918 г. епископ послал протест против действия германских оккупационных властей представителю Эстонской республики в Лондоне Антцу Пиипу, архиепископу Кентерберийскому и лорду Керзону, обратив внимание на неравное отношение властей к лютеранской и православной церквям. Лютеранам было разрешено созывать съезд представителей, тогда как православные не могли собрать запланированный собор, а епископу было отказано в проезде поездом для посещения отдаленных приходов. Оккупационные власти требовали разрешения служить католическую мессу в Соборе Св. Александра Невского в Таллине, в качестве компромиссного решения он разрешил служение мессы в Преображенской церкви, но без использования православного алтаря [Platon, p. 2]. Епископ рассматривал предложение учредить церковный налог, чтобы православные священники становились на службу государства, хотя лично он был против такой зависимости церкви от власти [ЕАА. F. 1655. N. 3. S. 62. Lk. 9].

В Эстонском национальном архиве сохранились ответы, написанные православными священниками с эстонских островов на запрос Рижской консистории о нанесенном ущербе после ухода немецких войск, из которых к настоящему времени опубликовано одно письмо [Петров, 2015]. Более полно источник не введен в научный оборот³. Доверительный тон, эмоциональный настрой и субъективный характер этих писем позволяют считать их эго-документами [Presser; Dekker]. Свидетельства обычных людей, которые не были напрямую вовлечены в военные действия, дают богатый материал для историков, изучающих социальные аспекты войны и историческую повседневность. Количество работ, посвященных истории православной церкви в Первой мировой войне, ничтожно мало, особенно в сравнении с обширной литературой, посвященной конфессиональным институтам западных стран в этот период [см.: Houlihan; Bobic; Jenkins; Леонтьева].

Три письма из нашей коллекции относятся к острову Сааремаа, до установления независимости Эстонии известному как Эзель. В первом письме священник из прихода Св. Иоанна в Торгу рассказывает о насилии, смерти, воровстве и межконфессиональной напря-

² Описание жизни в оккупированном Тарту от лица священника см.: [Дубьева].

³ Все эти письма были написаны урожденными эстонцами, для которых русский был вторым языком, что отразилось на особенностях грамматики. Перевод некоторых из них на английский см.: [Baltic Orthodoxy].

женности, возникших после вторжения Германии 30 сентября 1918 г. Особый интерес вызывают отношения с лютеранским пастором Либбергом. Тот, очевидно, считал оккупационные силы прочно установившимися в Эстонии: в письме указывается, что он руководит конфискацией имущества в православной церковной школе и помогает в сборе налогов, за что получает гневные обличения.

В письме чувствуется шок священника от внезапного изменения социального и конфессионального статуса, сопровождавшего немецкую оккупацию. В Российской империи православная церковь занимала привилегированную позицию «господствующей и превосходящей веры» – как религиозного института, так и идеологической и бюрократической опоры имперского режима. Лютеранское же духовенство подвергалось преследованиям, отдавалось под суд за поощрение отступничества. Присутствие немецкой армии изменило ситуацию, солдаты относились к прибалтийским немецким пасторам как к потенциальному союзнику на острове, в то время как православный священник был объектом подозрений и враждебности.

Второе письмо принадлежит священнику богоявленского прихода в Керле, и его отчет отличается от предыдущего⁴. Поведение немцев он считает по большей части безукоризненным, кроме обычной практики реквизиции еды и лошадей. Он отмечает уважение, проявленное к церковным зданиям и утвари, а также к нему как к православному священнику. Более всех заслуживали порицания представители волостной власти (оба идентифицированы как прибалтийские немцы), поскольку они якобы пытались использовать присутствие армии для захвата движимого и недвижимого имущества церковной школы. Открытый отказ православного приходского совета уступить спровоцировал заявления, что члены совета не подчиняются кайзеру. Автор справедливо отмечает, что лютеранский пастор поддержал в этом вопросе православных.

Следующее публикуемое письмо – из гелламского прихода с острова Муху⁵. В первом абзаце под ссылкой о разграблении Калиша [см.: Engelstein] выражаются стереотипные представления о «высокомерии» немецкого характера, в которых отражено влияние пропаганды. При этом первый акт насилия против духовенства был совершен не немцами, а русскими моряками. Судя по отчетам церковного собора 1917–1918 гг., нападения на православное духовенство со стороны русской армии не были редкостью в Рижской епархии [Документы, с. 36–637, 678–684]. После прихода немцев церковные здания не были тронуты: солдаты даже приносили некоторые пожертвования, хотя

⁴ К 1913 г. в приходе числились 817 мужчин и 792 женщины [ЕАА. Ф. 1957. N. 1. S. 28. Lk. 1913].

⁵ Хелемааский Петропавловский приход был основан в 1848 г., храма не было вплоть до 1864 г. В 1918 г. приход предположительно насчитывал 1 234 мужчин и 1 394 женщины. В границах прихода проживало 700 лютеран [ЕАА. Ф. 1952. N. 1. S. 51c. Lk. 150–155].

конфисковывали еду, одежду и дрова. К православным прихожанам немцы относились так же вежливо, как и к лютеранам. Священник жалуется, что лютеранский пастор использовал изменение режима, чтобы свести личные счета⁶.

Четвертый и последний источник из Торнимяэ (остров Сааре-маа) был ранее опубликован И. Петровым без комментариев⁷. Это письмо – драматический рассказ о битве за остров. Автор описывает сцену бомбежки и ружейного обстрела его деревни. Вернувшись после вынужденного побега, священнослужитель с горечью обнаружил, что церковь превращена в казармы, хотя крест, Евангелие и церковные пожертвования оказались на месте. Большая часть отчета концентрируется на личных потерях священника и его семьи. Тот же пастор Либберг (персонаж из первого письма) выступает в качестве главного антагониста повествования, предлагающего всем переходить в лютеранство, «чтобы был один пастыр и одно стадо» [ЕАА. F. 1655. N. 2. S. 4031. Lk. 40].

Все описания отражают различные ситуации во время военного конфликта и оккупации, однако их объединяет несколько тематических направлений. Все письма в большей или меньшей степени указывают на общую цивилизованность немецких оккупантов, контраст между пропагандистским изображением немцев и их фактическим поведением удивляет авторов (см. третье письмо). Отсутствуют случаи осквернения церквей, отмеченные в работе А. Гаврилина⁸ [Гаврилин, с. 304]. Примеры реквизиции зачастую оказывались скорее грабежом всего, что имело ценность. Например, при оккупации российской Польши немецкая система реквизиции была безжалостной и хищной, что в значительной степени объяснялось обнищанием населения в Германии: британская блокада вызвала значительные потери, которые затронули как фронт, так и тыл.

⁶ Ср. с информацией из церковной ведомости за 1918 г.: «Всемирная война, продолжавшаяся с лишком четыре года, особенно за сей последний (отчетный) год, несказанно много наделала вреда прихожанам. Много молодых людей погибло на войне, другие остались калеки; много мирных жителей убежало из острова, оставив все на произвол из-за боязни наступления врага. Неприятель забрал съестные припасы, одежду и жизненные принадлежности. Следствием этого стала страшная беднота и скудость продуктов. Летом в приходе появились заразительные болезни: дизентерия и испанский грипп. От первой померло 19 человек... от второй – 14 человек. Многие молодые люди возвратились домой из военной службы, зараженные “большевизмом”, не признают церкви и религии. Число прихожан с начала войны 1914 г... уменьшилось на 370 человек (193 м. и 177 ж.)» [ЕАА. F. 1952. N. 1. S. 51с. LK. 157].

⁷ К 1913 г. Покровский приход насчитывал 1 170 мужчин и 1 160 женщин [ЕАА. F. 1985. N. 1. S. 122. Lk. 1913].

⁸ Говоря о подобных примерах, А. Гаврилин уточняет, что эти случаи не свидетельствовали об отрицательном отношении германских солдат к православным храмам. «Шла война, разграблению подвергались все храмы независимо от вероисповедания, причем мародерством занимались как немецкие, так и русские солдаты» [Гаврилин, с. 304].

Война выявила скрытую конфессиональную напряженность в отношениях между православием и лютеранством. Лютеранское духовенство и местные прибалтийские немецкие должностные лица, очевидно, воспользовались возможностью, которую открыло вторжение, чтобы изменить имперский порядок, при котором православие пользовалось предпочтением, в то время как лютеранство подвергалось ограничениям как «иностранная вера». Школьное образование использовалось православной церковью как инструмент прозелитизма в среде бедного эстоноязычного населения. Религиозное школьное образование стало «испытательным полигоном» для новых (кратких) отношений с представителями лютеранского духовенства, которые стремились в какой-то части подорвать образовательные усилия православия.

В целом письма предоставляют возможность проникнуть в запутанную социальную и религиозную ситуацию во время немецкой оккупации поликонфессиональной пограничной зоны Российской империи. Во многих случаях группой, которая оказалась наиболее угрожающей для православной религиозной жизни на эстонских островах, были не немецкие или русские армии, а лютеранское духовенство, которое рассматривало вторжение как возможность компенсировать преследования 1890-х г. Анализируемые в статье письма – это источник, открывающий окно в мир рядового православного священнослужителя из нерусских этнических групп, который оказывался в сложной ситуации. Их субъективные эмоциональные реакции обогащают понимание социального контекста событий Первой мировой войны.

При публикации источников использовались современная орфография, пунктуация и графемы. Исправления ошибок оригинала делались в случаях искажения понимания, что оговаривается особо. Слова, написанные над строкой, внесены в текст. Оставлены подчеркивания, по всей видимости, сделанные адресатом, а также авторские вычеркивания.

№ 1. 16 декабря 1918 г.

Донесение Торгуских священников⁹

(Л. 2) // **Его Высокопреподобию господину
Эзельскому благочинному**

Краткая история властвования немцев в пределах прихода на о. Эзель.

Намереваюсь дать коротенькую историю отношений немцев к церковнослужителям, приходскому совету и приходу, я не буду касаться тех указов правительства, какие относились ко всем православным жителям Эзеля. Далее буду излагать в порядке, отмеченном Вами в отношении за № 226.

⁹ Документ написан на линованной бумаге поперек строчек, возможно, использовались листы из ученической тетради, коричневые чернила, один почерк. Формат 4^о. 12 л. В начале письма – синий штамп «24 дек. 1918».

Вступление немцев в Иоанновский приход произошло при кровопролитии крови мирных жителей – иоанновцев 29 сентября. (Л. 3) // При деревне Тагафер были проколоты два наших прихожанина – Михаил Каск (60 лет) и Иоган Приск (60 лет) из деревни Пагила¹⁰, возвращавшихся домой с работы и не знавших, что враг занял уже деревню. Это было уже предвестником надвигающейся грозы.

Пришлось пережить четыре страшных дня 30 сентября и 1–3 октября – дни «боя» (если это можно было назвать) немцев с русскими. Непрестанно трещали пулеметы, выпелами летали и пушечные ядра, так что стекла дрожали, порхали «голуби» и цеппелины, фейерверки и прожектор освещали непрерывно окрестность. Вот эта невиданная и неслыханная мирным жителям страшная картина войны навела страх на жителей них. Но, слава Богу, мы жили эти для слуха и зрения страшные дни, а после этого показались и сами Вильгельмовы серые¹¹. Первый полк остановился у нашей церкви 2 октября. Офицеры приказали открыть церковные двери, и пока я сходил за ключами, солдаты уже взломали двери церкви. В самой церкви ничего кощунственного не допустили, не вошли и в алтарь на мою просьбу. Солдаты уже сами взломали в это время двери сеного сарая и растащили лошадям пудов сто сена. Обходили все причтовые здания, ища русских, и захватили в руки что попало.

К вечеру этого дня (2 окт.) расположился у церкви и в деревне пулеметный отряд, и 300 лошадей, и около 1000 солдатами. (Л. 4) // Штаб полка занял всю квартиру священника. Лошади докончили оставшийся еще корм, не зевали и сами солдаты и офицеры. Ночью они получили приказ выступить, один лейтенант увез мои эзельские pätid¹², которые я ему уступил на вечер. Увели и священническую лошадь. Из дому пропало все то, что было солдатам пригоже и подороже. Так, из кабинетного ящика, как мы после на следующий день нашли, было украдено самим ли полковником или его денщиком все наше драгоценное имущество: кольца, дамские часы, браслет, билет сбер. кассы (приняли, вероятно, за деньги) и хранящийся там мой портсигар серебряный и часы (нрзб.). Билет на 900 рублей госуд. займа и квитанцию на 500 руб. причтовых денег, хранящиеся в сбер. кассе. Также пропали и сберегательные книги некоторых из наших прихожан, которые доверяли оные мне на хранение.

На названные украденные вещи было подано мною заявление в коменданство, на том известили – много ж, мол, вас таких наберется: «Немецкий солдат ничего подобного не сделает».

У псаломщика Вегене унесли гость¹³ сена, также женские часы, белье, сапоги и пр. С 4 октября началось самое тяжелое время для жителей прихода, особенно прибрежной части прихода, так как у пристани «Йбе» останавливались нем. корабли, а матросы по ночам стали искать себе добычу. Нет ни одного семейства, где что-нибудь матросы не увели. Вдруг в полночь слышится страшный стук в двери, а то и прямо выби-

¹⁰ Возможно, имеется в виду Suur-Pahila или Väike-Pahila.

¹¹ Цвет формы армии ландвера.

¹² Тапочки (эст.).

¹³ Значение не ясно.

вали двери и окна (в дер. Пулли у кр. Вийля и в дер. Гобсо), (Л. 5) // и давай искать, что получше и подороже. И так у одного крестьянина унесли они между прочим и детское белье, и дет[ские]. пеленки. Этот ночной поход кончился тем, что увели у кого корову, быка, свинью, кур, гусей, а у кого одежду, шубу, сапоги, деньги и пр. Были прибрежные села очищены, то наступали походники и подальше. И так в одно прекрасное время очутились они у нас, скрутили головы у 19 гусей, вложили в мешки, и поминай как звали. И так ночные грабежи продолжались целый месяц – до ноября месяца.

1¹⁴. Наш Левальский¹⁵ комендант считал все церковно-приходские здания, очевидно, своими со дня вступления на Эзель до самых последних дней. Особенно священнический дом служил у немцев как бы постоянным двором. Целую зиму жили у нас два офицера с денщиками и пользовались всем там, что им нужно было, как-то мебелью, посудой, лошадьми и пр. Ну, они были хоть постоянные жильцы, ушли они, и стали заходить к нам разные бродяж[ничающ]ие солдаты, офицеры, чиновники по указанию коменданта. Когда заходили также «гости», просили вывести наших животных из хлева и завербовали для своих нужд. Так осенью 3 недели жили у нас два жандарма и сказали, что им приказано тут квартировать – взяли каждый по две комнаты, столовую употребляли во время еды и милостиво разрешили и нам пользоваться столовой. Школа у нас действовала до весны 1918. С осени нашу приходскую школу закрыли. Пастор пейдеский Либберг же [на] мою просьбу о том объяснить это действие ска- (Л. 6) // зал, что Эрикская школа¹⁶ закрывается по недоверию правительства к священнику. Сам же пастор Либберг велел конфисковать все наше школьное имущество – парты [и доски] велел перевезти в Лютеранскую школу, а имущество, оставшееся от этого, отправил в водостной дом. Словом, очистил школу (теперь мы привезли свое школьное имущество обратно).

2. Как слышно, на всем Эзеле не было такого униженного и дерзкого отношения к священникам, как в Левальской комендатуре. Никогда не случалось, чтобы комендант руку давал бы, обращался же гораздо хуже со священником, чем с крестьянином. Со священником они не говорили, а кричали. Раньше заставляли лично два раза ходить в комендантство за разрешением для богослужения (это будет расстояние в 18 верст). Мне и Мяги при этом всегда прочитывали постановления, которые кончались угрозой быть повешенными. Комендант Штанге сказал прямо, что «правосл. священники – шпионы». Весной тут были не германцы сами, а немцы¹⁷ – помещики и пастор, под влиянием которых находились коменданты и с которыми дружились.

¹⁴ Нумерация относится к пунктам в циркуляре благочинного (который нам недоступен), на которые священники должны были дать соответствующий ответ. В данном письме на пункты 3 и 4 ответа не было дано.

¹⁵ Левала, населенный пункт на западной части Сааремаа.

¹⁶ Православная деревянная приходская школа в м. Эрико (Иоанновский приход), построенная в 1851 г. В 1897 г. в ней обучались 37 детей.

¹⁷ Под немцами имеются в виду балтийские немцы, остзейцы.

5. Больше всего из членов причта пострадал священник; украли именно: часы дамские, 2 кольца, зол. браслет, 200-рублевый билет госуд. займ., квитанцию сберегательной кассы на портсигар и часы мужские. Увезли 19 гусей, пудов 300 сена, 4-летнюю высокую лошадь, одежду, сапоги, 10 саженой дров и пр. (За все это выплатили 215 рублей).

У псаломщика Вагоне украли часы, белье, одежду, сапоги на сумму около 300 рублей. Из / [причт.] церковных / сумм украдена кви- (Л. 7) // танция на билет внутр. 4 % займа на 500, хранящийся в казначействе. Школьная библиотека вся уничтожена.

6. Священник три раза ездил в город на следствие в *Polizeigerichtei* у. Обвиняли во враждебности к немцам. В октябре 1918 г. был в моем доме полный обыск; искали оружие и письма. Говорили, что я русский офицер и стою на службе у англичан как шпион. Ничего уличающего меня не было найдено. Но, тем не менее, из *Felt-Polizei* пришло письмо, по которому я должен был пойти в город к 12 ноября. Помещик Ферстер сказал два дня до этого: «*nüüd rapp kaob*»¹⁸. Я узнал о приезде (*нрзб.*) и в город не поехал. (Л. 7–8) // Пастор Либберг издал один за другим 3 приказа, в которых требовали подать себе (½ кури с двора). Как слышно, три дворохозяина уплатили ему. / (Те которые боялись обыска). Тем, которые не уплатили, обещал пастор сделать аукцион. Он же Либберг в кирке в деревне Табео сказал [весною] прямо: «*Tänu Jumalale, nüüd see hirmus vene usk piri sisse kellatud, nüüd ta enam ei tõuse*»¹⁹. В другой раз же сказал в Пейдеской кирке: «*nüüd ei aita enam Wene rappid, ei wiiski suits, ei Neitsi Maria, (нрзб.) see õnnu Ewangeliumi usk*»²⁰. Немцы в своих словах были более сдержаннее. Все православные деятели волости по инициативе пастора были уволены, и на места их расставлены лютеране. (Л. 8) // Приходскому совету обсуждать свои дела не было разрешено. [К] православию как вероисповеданию относились они крайне враждебно. Даже при рассмотрении жалоб в комендантство всегда спрашивали, какого вероисповедания обвиняемый или обвинитель. Все православные деятели волости были уволены от должностей и замещены лютеранами. Главным агитатором в этом деле был пастор Либберг – главный немецкий шпион, явный враг православию, не даже враг, а хулитель. Ярый противник эстонского народа. Он виновник высылки Мяги и всего того, что тяжелым игом было для народа.

№ 71

Дек. 16/18

Свящ. А. Аар²¹

[ЕАА. F. 1655. N. 2. S. 4031. Lk. 2–8].

Подлинник

¹⁸ «Ну все, попу крышка».

¹⁹ «Слава Богу, сейчас эта ужасная русская вера запрещена и больше не поднимется».

²⁰ «Больше не помогут ни русские попы, ни дым ладана, ни Дева Мария, но только благословенная евангелическая вера».

²¹ Имя священника написано неразборчиво. В Иоанновском приходе в это время служил о. Иоанн Тольп.

Донесение²² Кергельского священника Карпа Тинца²³**(Л. 10) // Его высокопреподобию
отцу эзельскому благочинному**

На предписание Вашего Высокопреподобия от 12.XII.18 за № 226 честь имею сообщить следующее: в общем можно сказать, что по отношению к православию в Кергеле вели себя немцы сравнительно благообразно. Церковь осталась со стороны их совершенно не тронутой. Пять дней спустя после вступления немцев на Эзель в церкви пришлось совершить отпевание случайно погибшего от ручной гранаты. В это время в моем доме состояла какая-то военная команда в составе 46 человек при двух офицерах. От этой команды четверо солдат вышли в притвор церкви и отсюда сквозь чуть открытую дверь пролезли головой в фуражках в церковь – и в таком положении простояли они все время совершения названного обряда. (Л. 11) // Летом мыннустскую церковь посетил немецкий губернатор вместе со своим адъютантом и еще с каким-то офицером, и вели себя, по видимому, весьма почтительно по отношению к нашим святыням. Стеснялся даже подняться на солею.

2) На более продолжительное время ни причтовые, ни школьные здания не были заняты. Отдельные ночевки все-таки были,

3) причем незваные гости особенно не стеснялись бесплатно позаимствовать хозяйские сено и солому, а у псаломщика Л. Юнашевского даже порядочно картофеля и несколько муки. Затем в первые дни у членов причта было реквизировано 4 лошади и три телеги. Взамен отнятых лошадей члены причта не поленились у тех же немцев некоторое время спустя добыть новых и, пожалуй, в убытках не остались. Псаломщики и телеги себе добыли, а я лично должен был удовлетвориться только незначительной суммой (*нрзб.*), осталась в этом случае, конечно, осталась в убытке. Поля и огороды причтовые со стороны немцев тронуты не были, да и крестьянским никаких убытков нанесено не было, так как в Кергельском районе войска не стояли, исключая только полицию, 4) отношение всех вообще немецких властей, с которыми мне приходилось иметь дело, за исключением только одного местного коменданта фельдфебеля-лейтенанта, по отношению ко мне как священнику православной церкви было вполне приличное. Что касается материального обеспечения прихожанами своих священноцерковнослужителей, то со стороны местных комендантов пре-

²² Документ написан на нелинованной бумаге, один почерк, коричневые чернила. Формат 4°. 8 л. На первом листе вверху слева – штамп прихода: «В. П. И. Рижской Епархии. Эзельского благочиния. Кергельской Богоявленской церкви священника январь 4 дня 1919 года № 2. Адр. Чр. Гор. Арнсбург, Лифл. губ. в им. Мэннуст».

²³ Священник Карп Тинц (1890–1973), родился в семье арендатора, учился в Рижской духовной семинарии (1902–1912), был рукоположен в священники архиепископом Рижским и Митавским (Смирновым). В 1915–1921 гг. был настоятелем мыннустской Преображенской церкви.

пятствий не наблюдалось. Первый из комендантов кергельских от своего имени чрез «külakubjad»²⁴ двукратно издавал приказы православным прихожанам непременно явиться на общеприходское собрание для совещания прихожан [по поводу] содержания причта своего приходского храма. Один из последующих комендантов предлагал мне (Л. 12) // опять свои услуги и для собрания и назначенного прихожанами причту содержания, причем обещал властью, ему данной, принудительным образом взыскать с прихожан обещанное им причту содержание, чем я, конечно, воспользовался. Да и во многих других случаях он высказывал им свою полную готовность помочь в чем-либо, услужить и даже угодить, всегда соблезнуя православному эзельскому духовенству в его тяжелом положении, созданном исключительными военными обстоятельствами. Этого уже нельзя сказать о нашем начальстве, которое один за другим прислало чрез местное комендантство приказы, воспретившие приходские собрания для обсуждения вопроса об обеспечении членов причта 2) миссионерское дело, 3) всякого рода сбор, совершаемые причтом и прихожанами без разрешения «Landhaptmanna», выбор женщин в приходской совет и, в конце концов, приказ нахальнейший, предписывающий все движимое и недвижимое имущество церковно-приходского училища безвозмездно передать волости. На все названные и не названные ограничивающие и задерживающие православную жизнь и деятельность прихода приказы германского правительства мною хоть для виду, для некоторого успокоения бдительности начальством даны были обещания исполнить их. Но на последнее требование как мною, так и церковным старостой, и председателем, и некоторыми членами приходского совета, собравшимися в приходском училище в день обнародования сего адски нахального требования, был заявлен категорический отказ исполнять его, а несмотря ни на какие устрашения страшными последствиями неповиновения власти «Keisera» и на хитро-лукавые обещания со стороны (нрзб.) того времени барона Нолькена и предводителя волостного писаря И. Вябса, школьное имущество осталось непередаваемым, (Л. 13) // в каком положении находится и по сей день.

5) Относительно богослужений особенных стеснительных мер не было, если не принять во внимание предписания о заявлении о каждой службе в отдельности, что, правду говоря, аккуратно приходилось исполнять только при одном коменданте. 6) Приходской совет стал у нас функционировать только в последнее время тевтонского владычества, и за это короткое время никакого давления на деятельность со стороны последнего не замечалось. Равно не видно было со стороны местных немецких властей и помещиков открытой вражды по отношению к православию как вероисповеданию нас, русского происхождения. 7) Особенно чувствительных для членов причта реквизиций не было²⁵. Правда, происходили разного рода реквизиции, но последним, как то законным

²⁴ Десятник, бурмистр. В этом случае, возможно, представитель местной власти, сотрудничающий с оккупационными властями.

²⁵ Трудно сказать, что имеется в виду под «реквизией».

и незаконным образом, дано было заведовать причту. 8) Обыски были проведены у многих наших прихожан, но высылке подверглись только двое – псаломщик Аллик (без обыска) и прихожанин Михаил Трей из Кезеля. Но слава Богу, что дни немецкого ига были так скоро сочтены, как потом выяснилось, многим еще пришлось бы, Бог один ведает только, сколько б еще терпеть. Оказывается, что в списке кандидатов на первой очереди числился уже я и даже псаломщик Юпашевский. И, кажется, все за отказ передать школьное имущество.

2) В местном комендантстве сравнительно поздно был получен приказ относительно платежа православными натуральных повинностей в пользу лютеранского пастора, но зато весьма яро схватились волостные власти за него и сумели [назначить] весьма строгие наказания тем, которые осмелятся противиться, каковыми, однако, оказались все, за исключением только нескольких дворохозяев, оказавшихся изменниками. Православные крестьяне деревни Когоуль дали своему «Külakubja» такой строгий приказ, что тот должен явиться в волостное правление и заявить там, что, если натуральная повинность с (Л. 13) // православных в пользу пастора непременно должна быть, то пусть снимут у нас головы и принесут в жертву последним, а на зерно пусть и не надеется. 10) Явных более заметных выступлений лют. пастыря против православия не видно было. Даже наоборот, он несколько поддерживал православных в борьбе отстаивания своего школьного имущества, так как он сам в это время был в войне с волостными властями. Но, в общем, конечно, притал и питает ненависть к православию, ~~здесь можно~~ если еще вспомнить давление, оказанное о. Элейдтом на его высылку во время русского владычества²⁶. «Kadakaid»²⁷ у нас мало, зато один только бывший вол. писарь Вэбер работал больше, чем десять других. Пастор давал предс. нашего прих. совета такую историю: перед [тем] как явиться в Мэннуст принимать в пользу волости школьное имущество, накануне вечером бар. Нолькен зашел к нему и убедительно просил его идти вместе: «Mul on siia nii raske minna, aga need wallametnikud käivad ühte jooni peale»²⁸. Вообще, конечно, замечено было, что многие лютеране торжествовали и ликовали скорую окончательную победу над православными, но были и весьма многие среди них, которые с явным неудовольствием относились к вышеописанным немецким деяниям германского правительства.

Священник К. Тинц
[EAA. F. 1655. N. 2. S. 4031. Lk. 10–13].
Подлинник

²⁶ Высылка пасторов в 1890-е гг.

²⁷ Kadakasakslased – так называли эстонцев, которые подражали балтийским немцам в манере одеваться и говорить. Здесь имеются в виду добровольные помощники местной власти из эстонского населения.

²⁸ «Мне туда идти трудно, но эти чиновники оказывают давление».

№ 3. 28-го декабря 1918 г.

Донесение²⁹ Гелламского священника Алексея Аллика³⁰**(Л. 25) // История того, что было в гелламском приходе
со времени прибытия германских войск
на о. Моон³¹ по день их ухода**

Зверства тевтонцев на польской границе были известны гелламским прихожанам из газет и уст очевидцев. С другой стороны, все с детства знакомы с надменностью немецкого характера. Это было причиной, что население, и в особенности православные, в высшей степени боялось наступления немецкого войска. Многие из прихожан убежали на «твердую землю»³², другие спрятали свое имущество, хлеб одежду и прочее в ямах, погребках, в лесах. Так же сделали и прихожане, хотя были уверены, что русское христоролюбивое войско не впустит врага на остров. Когда германцы высадились на Эзеле и пришли в Оррисаар³³, находящиеся в районе прихода две батареи и военные суда в Большом Зунде³⁴ открыли огонь, и пули перелетали через дома по направлению в Оррисаар, береговых жителей выселили в глубь острова, страх причта еще более увеличился от грубости русских матросов, которые захватили священника, угрожали его убить, с этой же целью искали псаломщика, обыскали церковь и причтовые дома, входили в церковь и в алтарь в шапках с папироскою в зубах. Думалось, если свои так поступают, что после этого сделают чужие враги. Все (Л. 26) // готовились к смерти. Еще 3-го октября по старому календарю можно было уехать с острова. Многие советовали причту также убежать. Но причт решил остаться на месте, во всяком случае не покинуть прихода. 4-го октября в Куйвасту прибыли эстонские полки. В этот же день [в] 10 часов утра немецкие суда стали стрелять с Рижского залива в русские, находящиеся в Большом Зунде. Броненосец «Слава» стал на мель, а прочие уехали по направлению к Гапсалу³⁵. В этот день с утра до вечера и [в] наступающую ночь русские войска непрерывно отправлялись на берег Большого Зунда

²⁹ Письмо написано на нелинованной бумаге, 6 л. Формат 2°, один почерк, коричневые чернила, на первом листе вверху справа – штамп «4 янв. 1919».

³⁰ Алексей Варфоломеевич Аллик (1853–1932) родился в семье земледельца на о. Сааремаа, закончил в 1873 г. Балтийскую учительскую семинарию и экстерном в 1886 г. Рижскую духовную семинарию. Был рукоположен в сан священника в 1886 г., служил в приходах Вынну-Кярса (1886), Мыннусте (1886–1897) и Гелламаа на о. Муху с 1897 по 1930 г. Учредил в Гелламаа общество трезвости «Весна» в 1901–1916 г., был активным деятелем в Сельскохозяйственном обществе, а также Обществе потребителей. Автор духовных сочинений и стихов, печатался в православном журнале «Вера и жизнь» на эстонском языке.

³¹ О. Муху.

³² То есть на материк.

³³ Населенный пункт на восточной части острова, разделяемой узким проливом с о. Муху (Моон).

³⁴ Пролив, отделяющий о. Муху (Моон) от материка. Современное название – Суур-Вяйн.

³⁵ Город на побережье Западной Эстонии. Современное название – Хаапсалу.

в деревню Рауги, где был специально выстроенный для войск мост, в надежде переехать на верхнюю гавань Рохукюль. Но это было невозможно, не было кораблей, на чем переехать. Все попало в руки неприятеля, некоторые думали переплыть Зунд на досках в поломанных лодках (все лодки были начальством реквизи[ир]ованы и доставлены на материк) и утонули.

3-го окт. в 9 часов утра впервые появились у церкви немецкие солдаты на велосипедах, затем верховые и пешие. Весьма многие заходили в дома и сурово спрашивали: «Где русские, куда ушли, когда ушли и т. д.». Другие ломали двери домов, и амбаров, и погребов. Захватили все: одежду, хлеб, животных. У священника взяли 11 мешков овса, готовый хлеб, сколько было, расположились в комнатах, как настоящие хозяева. Пять дней продолжались грабежи и обыски, захватили все, что имело цену, и послали в Германию. После явные грабежи прекратились, стали воровать.

С 8-го же октября немцы заняли причтовые дома, приходскую школу. Лошадей поместили в хозяйственные строения: в ригу³⁶, хлевы, конюшни, баню. Корм для лошадей брали у народа, ничего не платя. На протесты населения по поводу такого грабежа немцы отвечали: «Не только ваше имущество принадлежит нам, но и вы сами со своей жизнью находитесь в нашем распоряжении».

У членов причта забрали всю ячменную и (Л. 27) // овсяную солому и сено развозили в разные части войска. У священника увезли со двора до 20 с. дров. С причтового выгона вырубали и вывозили до сотни больших деревьев. Все здания пострадали. В комнатах попорчены двери, стены, полы, печи, в банях от сильной топки попорчена печь, разбиты окна, обвалился потолок, в риге испорчены стены, пол и двери, замки везде пропали.

К церкви и священнику и вообще церковнослужителям немецкие войска относились почтительно, вежливо, начиная с простого солдата до высшего офицера. Так обращались они и с народом. В церкви стояли почтительно, клали в кружки пожертвования. В этом отношении особенно выделялись католики. Ксендзы и пасторы приезжали служить в церкви, которая иной раз была переполнена солдатами, но ничего святотатственного не было замечено. Пропали некоторые книги из библиотеки. В комендатуре священнику оказывали всегда почтение, выделяя его среди массы, подавая руку, кланяясь и подавая стул для сидения. В домах старались не сутяжничать. К православному населению немцы относились, как и [к] лютеранам, одинаково вежливо, ласково. В комнату не ходили, не постучав в двери, при встрече кланялись первые, в работах старались помогать лично, делились с домашними, что имели, конечно, получая от последних взамен вдвойне из съестного и из одежды. Такие отношения чужестранцев население приятно вспоминает и по сие время. Различия между лютеранами и православными не делали и лица, имевшие власть. Они говорили, что в Германии существуют разные вероисповедания, и все имеют свободу. К уплате прихожанами жалования церковнослужителям немцы относились безразлично. Собрания народные были запрещены без разрешения губернской власти, каковые разрешения или вовсе не давали, или давали с трудом в исключительных

³⁶ Рига – большой сарай для сушки снопов.

случаях. Но немцы на местах советовали устраивать собрания помимо начальства. (Л. 28) // Подобные советы давали людям сами полицейские при взимании разных обязательных взносов: масло, яйца, шерсть и т. д. «Не показывайте, – говорили они, – все, что у вас есть. Мы в Германии все так делаем. Иначе жить нельзя».

Но власть всячески употребляла средства к принудительному доставлению в комендатуру и в властное правление предписанных продуктов: масла, яиц, шерсти, кожи, шкур, зерна и т. д. Для этого созывали волостных должностных лиц, духовенство и людей, пользующихся уважением населения, и увещевали их повлиять на народ к уплате продуктов. Сторонники немцев так и делали, прочие же только махали руками.

Вообще явной ненависти к православной вере у немцев заметно не было. Они себя считали людьми цивилизованными, чтобы действовать явно по отношению к совести. Сторонники же немцев, пастор лютеранский Мее-ри и местный помощник Бунзгевден, действовали откровеннее. Первый настаивал, чтобы православные ему платили подати хлебом. Требование это распространялось и на православный причт. Хотя никто этого требования не исполнил. Второй, помещик, наложил на своих крестьян, которые все православные, часть аренды обязательными рабочими днями вместо денег. И этого требования никто не исполнил, почему некоторым хозяевам было отказано в аренде.

Обыски и аресты были, но не за веру, а по жалобам посторонних лиц по подозрению в недружбе к немцам. Православный Михаил Зийнт с двумя своими дочерьми были арестованы и содержались в Аренбургской³⁷ тюрьме 2 месяца будто за пьянство. Также арестовали и посадили в тюрьму молодого парня Пяртеля за то, что у него нашли запрещенные вещи. Псаломщика Тейса захватили как военнопленного и содержали в Аренбурге 5 месяцев. Случаев высылки из прихода не было.

Совершение треб и сообщения с прихожанами сначала были весьма затруднительны. Для отправки в деревню и приход каждый раз надо (Л. 29) // было спрашивать разрешения. Движение вне домов разрешалось лишь до 9 часов вечера. Никому не разрешалось пропускать на материк, а на Эзель можно было добывать разрешения с трудом, причем надо было обозначать, куда именно требовалось отправиться, на какой срок, и по возвращению предстояла явка в комендатуру с заявлением, что возвратился в срок.

Значительно пострадал церковный причтовый лес. Зимой вырубали до 100 деревьев больших, не считая малых; когда же причт заявил протест, то похищение прекратилось. Солдаты должны были караулить, чтобы имуществу церкви убытка не сделали. К весне вдруг появился в комендатуру старший лесничий, призвал к себе причт и заявил, что употребление леса запрещено, даже кустиков и сучьев брать не допускается. На протест причта от 27 мая на имя Губернского правления из комендатуры ответили, что прошение возвращается, что лес принадлежит казне, а причт может употреблять для своей надобности каждый раз с позволения начальства. В июне месяце началась вырубка немцами леса на сенокосы причта. Сначала говорили, что вырубят 300 сажень. Но рабочих не достали, и вырубил лишь шесть куб. саж. Дрова

³⁷ Аренбург (Куресааре) – центральный населенный пункт острова.

повезли к печи для выжигания извести. Вообще лесного убытка произведено немцами причту на 1400 марок, считая в том числе и 20 с. дров священника, похищенного немецкими солдатами в разные стороны своей стоянки.

Надо сказать, собственно германские солдаты не были так грубы в общении с людьми, как местные немцы и пасторы. Пастор говорил псаломщику Тейсу: «Нас притесняли долгое (Л. 30) // время, теперь мы имеем возможность себя восста[но]вить». Между этим пастор заявил, что не имеют права ходить в школы, что это право дано ему только. Народу он говорил, что все православные перейдут в лютеранство. «Не будут же люди платить двум духовным жалования», – утверждал он.

По правде сказать, народу немцы особенного зверства и грубости не причиняли. Ни одного случая безнравственности от немцев не обнаружено в приходе. Солдаты принимали участие в семейных праздниках, но никогда не напивались и не позволяли себе неприличности, говорит народ, как это позволяли себе русские матросы. Отношение населения к немцам *хотя было* как [к] солдатам хотя было терпимо, но все обрадовались уходу их. 24-го ноября по этому поводу было совершено в середине острова, в местечке Лиива всенародное благодарственное молебствие. Многие плакали от радости, что появилась свобода.

28-го декабря 1918 г.

Гелламский Петропавловской церкви священник А. Аллик

Геллама

[ЕАА. F. 1655. N. 2. S. 4031. Lk. 25–30].

Список литературы

Брянцев Д. Эвакуация Рижской духовной семинарии в Нижний-Новгород // Рижские епархиальные ведомости. 1915. № 17/18/19/20. С. 469–474.

В. Щ. Оставаться или бежать? // Рижские епархиальные ведомости. № 2. 1916. С. 59–65.

Гаврилин А. Православные приходы на территории Латвии во время Первой мировой войны // Православие в Прибалтике : Религия, политика, образование, 1840–1930-е гг. / под ред. И. Пярт. Тарту : Изд-во Тартус. ун-та, 2018. С. 297–313.

Леонтьева Л. Православные Российской империи на фронте и в тылу (1914–1917 гг.) // Вестн. Твер. гос. ун-та. Сер. История. 2015. № 1. С. 41–57.

Петров И. В. «Огород мой уничтожили русские, вырыв в нем блиндажи, немцы же вытравили озимые и клеверные поля»: жизнь православного духовенства под германской оккупацией на острове Эзель в 1917–1918 гг. // Новейшая история России. 2015. № 1. С. 203–209.

Пярт И. Русская вера на «Прибалтийской окраине» : предисловие // Православие в Прибалтике : Религия, политика, образование, 1840–1930-е гг. / под ред. И. Пярт. Тарту : Изд-во Тартус. ун-та, 2018. С. 10–31.

Рижская духовная консистория // Рижские епархиальные ведомости. 1915. № 17/18/19/20. С. 468–469.

Фриз Г. Религиозная политика Российской империи в Прибалтике // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Т. 72. 2017. № 4. С. 777–806. DOI 10.21638/11701/spbu02.2017.407.

Щукин В. Бегство, как долг : (Слово, произнесенное в Рижском каф. соборе 19 июля 1915 г.) // Рижские епархиальные ведомости. 1915. № 15–16. С. 419–425.

- Baltic Orthodoxy : Resource Portal for Religious History : [website]. URL: <https://www.balticorthodoxy.com> (mode of access: 21.12.2019).
- Barrett M. B. *Operation Albion: The German Conquest of the Baltic Islands*. Bloomington : Indiana Univ. Press, 2008. 298 p.
- Bobic P. *War and Faith: The Catholic Church in Slovenia, 1914–1918*. Leiden : Brill, 2012. 262 p.
- Dekker R. *Egodocuments and History. Autobiographical Writing in Its Social Context since the Middle Ages*. Hilversum : Verloren, 2002. 190 p.
- EAA. F. 1655. N. 2. S. 4031; N. 3. S. 62; F. 5256. N. 1. S. 1029.
- Engelstein L. “A Belgium of Our Own”: The Sack of Russian Kalisz, August 1914 // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. Vol. 10. 2009. № 3. P. 441–473. DOI 10.1353/kri.0.0112.
- Hatlie M. R. *Riga at War. War and Wartime Experience in a Multi-Ethnic Metropolis*. Marburg : Verlag Herder-Institut, 2014. 362 p.
- Houlihan P. J. *Catholicism and the Great War: Religion and Everyday Life in Germany and Austria-Hungary, 1914–1922*. Cambridge : Cambridge Univ. Press, 2017. 302 p.
- Jenkins P. *The Great and Holy War: How World War I Changed Religion for Ever*. Oxford : Lion Books, 2015. 448 p.
- Nagornaja O. United by Barbed Wire: Russians POWs in Germany, National Stereotypes, and International Relations, 1914–22 // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. Vol. 10. 2009. № 3. P. 475–498. DOI 10.1353/kri.0.0111.
- Platon, [piiskop]. Mõni lehekene minu päewaraamatust // *Uus Elu*. 1924. Nr. 9. P. 1–2.
- Presser J. *Uit het werk van dr. J. Presser*. Amsterdam : Athenaeum-Polak & Van Genneep, 1969. 332 p.
- Ryan D. C. *The Tsar’s Faith: Conversion, Religious Politics and Peasant Protest in Imperial Russia’s Baltic Periphery* : PhD Dissertation. Los Angeles : Univ. of California, 2008. 397 p.
- Weber K. *Religion and Law in the Russian Empire: Lutheran Pastors on Trial, 1860–1917* : PhD Dissertation. N. Y. : N. Y. Univ., 2013. 398 p.

References

- Baltic Orthodoxy : Resource Portal for Religious History* [website]. URL: <https://www.balticorthodoxy.com> (mode of access: 21.12.2019).
- Barrett, M. B. (2008). *Operation Albion: The German Conquest of the Baltic Islands*. Bloomington, Indiana Univ. Press. 298 p.
- Bobic, P. (2012). *War and Faith: The Catholic Church in Slovenia, 1914–1918*. Leiden, Brill. 262 p.
- Bryantsev, D. (1915). Evakuatsiya Rizhskoi dukhovnoi seminarii v Nizhnii-Novgorod [Evacuation of the Riga Ecclesiastical Seminary to Nizhny Novgorod]. In *Rizhskie eparkhial'nye vedomosti*. No. 17/18/19/20, pp. 469–474.
- Dekker, R. (Ed.). (2002). *Egodocuments and History. Autobiographical Writing in Its Social Context since the Middle Ages*. Hilversum, Verloren. 190 p.
- EAA [National Archive of Estonia]. F. 1655. N. 2. S. 4031; N. 3. S. 62. F. 5256. N. 1. S. 1029.
- Engelstein, L. (2009). “A Belgium of Our Own”: The Sack of Russian Kalisz, August 1914. In *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. Vol. 10. No. 3, pp. 441–473. DOI 10.1353/kri.0.0112.
- Freeze, G. (2017). Religioznaya politika Rossiiskoi imperii v Pribaltike [Religious Policies of the Russian Empire in the Baltic]. In *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta*. Vol. 72. No. 4, pp. 777–806. DOI 10.21638/11701/spbu02.2017.407.
- Gavrilin, A. (2018). Pravoslavnye prikhody Latvii vo vremya Pervoi mirovoi vojny [The Orthodox Parishes of Latvia during the First World War]. In Paert, I. (Ed.). *Pravoslavie v Pribaltike: Religiya, politika, obrazovanie, 1840–1930-e gg.* Tartu, Izdatel'stvo Tartuskogo universiteta, pp. 297–313.

Hatlie, M. R. (2014). *Riga at War. War and Wartime Experience in a Multi-Ethnic Metropolis*. Marburg, Verlag Herder-Institut. 362 p.

Houlihan, P. J. (2017). *Catholicism and the Great War: Religion and Everyday Life in Germany and Austria-Hungary, 1914–1922*. Cambridge, Cambridge Univ. Press. 302 p.

Jenkins, P. (2015). *The Great and Holy War: How World War I Changed Religion for Ever*. Oxford, Lion Books. 448 p.

Leont'eva, L. (2015). Pravoslavnye Rossiiskoi imperii na fronte i v tylu (1914–1917 gg.) [Orthodox of the Russian Empire at the Front and in the Rear (1914–1917)]. In *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Istoriya*. No. 1, pp. 41–57.

Nagornaja, O. (2009). United by Barbed Wire: Russians POWs in Germany, National Stereotypes, and International Relations, 1914–22. In *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. Vol. 10. No. 3. P. 475–498. DOI 10.1353/kri.0.0111.

Paert, I. (2018). Russkaya vera na “Pribaltiiskoi orkaine”. Predislovie [The Russian Faith in “The Baltic Periphery”. An Introduction]. In Paert, I. (Ed.). *Pravoslavie v Pribaltike: Religiya, politika, obrazovanie, 1840–1930-e gg.* Tartu, Izdatel'stvo Tartuskogo universiteta, pp. 10–31.

Petrov, I. V. (2015). “Ogorod moi unichtozhili russkie, vyryv v nem blindazhi, nemtsy zhe vytravili ozimye i klevernye polya”: zhizn' pravoslavnogo dukhovenstva pod germanskoi okkupatsiei na ostrove Ezel' v 1917–1918 gg. [“The Russians Destroyed My Garden by Digging Dugouts and the Germans Ruined the Winter Crops and Clover Fields”: The Life of the Orthodox Clergy under the German Occupation of the Island of Saaremaa]. In *Noveishaya istoriya Rossii*. No. 1, pp. 203–209.

Platon, [piiskop]. (1924). Mõni lehekene minu päewaraamatust. In *Uus Elu*. Nr. 9, pp. 1–2.

Presser, J. (1969). *Uit het werk van dr. J. Presser*. Amsterdam, Athenaeum-Polak & Van Genneep. 332 p.

Rizhskaya dukhovnaya konsistoriya [The Riga Ecclesiastical Consistory]. (1915). In *Rizhskie eparkhial'nye vedomosti*. No. 17/18/19/20, pp. 468–469.

Ryan, D. C. (2008). *The Tsar's Faith: Conversion, Religious Politics and Peasant Protest in Imperial Russia's Baltic Periphery*. PhD Dissertation. Los Angeles, Univ. of California. 397 p.

Shchukin, V. (1915). Begstvo, kak dolg. (Slovo, proiznesennoe v Rizhskom kafedral'nom sobore 19 iyulya 1915 g.) [Flight as a Duty. (A Sermon Given in Riga Cathedral on 19 July 1915)]. In *Rizhskie eparkhial'nye vedomosti*. No. 15–16, pp. 419–425.

V. Shch. (1916). Ostavat'sya ili bezhat'? [To Remain or to Flee?]. In *Rizhskie eparkhial'nye vedomosti*. No. 2, pp. 59–65.

Weber, K. (2013). *Religion and Law in the Russian Empire: Lutheran Pastors on Trial, 1860–1917*. PhD Dissertation. N. Y., N. Y. Univ. 398 p.

The article was submitted on 16.05.2019